

Господь повелел всем жителям Навадвипы петь мантру Харе Кришна, и в каждом доме стали ежедневно проводить санкиртану. С началом движения санкиртаны в Навадвипе не было слышно никаких других звуков, кроме пения «Хари! Хари!»,

боя мриданг и звона каратал. Не в силах вынести доносившиеся отовсюду звуки мантры Харе Кришна, местные мусульмане обратились с жалобой к Кази, мировому судье. Вечером разгневанный Чханд Кази пришел в один из домов и, увидев идущий там киртан, разбил мридангу и сказал:

— До сих пор никто из вас не следовал религии индусов, но сейчас вы принялись исполнять ее обряды с большим рвением. Я хочу знать, откуда у вас взялись силы? Никто больше не должен проводить киртаны на улицах города. Сегодня я прощаю вас и возвращаюсь домой. Но если я еще раз увижу, что кто-то занимается санкиртаной, я накажу того человека, конфисковав его имущество и обратив его в ислам.

С этими словами Кази вернулся домой, а все преданные, огорченные запретом петь мантру Харе Кришна, пошли и рассказали обо всем Господу Чайтанье Махапрабху.

Господь Чайтанья приказал:

— Идите и пойте святое имя! Сегодня Я уничтожу всех мусульман!

Разойдясь по домам, все горожане снова стали петь святое имя, но им не давал покоя страх перед указом судьи.

Видя опасения людей, Господь созвал их и обратился к ним с такими словами:

— Вечером Я пройду с санкиртаной по всем районам города. Поэтому украсьте город к вечеру. Зажгите в домах факелы. Я никого не дам в обиду. Посмотрим, какой Кази осмелится остановить наш киртан!

Когда наступил вечер, Господь Гауранга вышел на улицы города и разделил всех, кто собрался на киртан, на три группы. В передней танцевал Тхакур Харидас, в средней

группе в великом блаженстве танцевал Адвайта Ачарья, а замыкала шествие группа киртана, в которой танцевал Сам Господь Гаурасундара, и Шри Нитьянанда Прабху танцевал вместе с Ним. С киртаном они обошли весь город и наконец пришли к дверям дома Кази. Толпа людей, находившихся под защитой Господа Чайтаньи, возбужденно гудела, готовая излить свой гнев на любого.

Громкий звук пения мантры Харе Кришна сильно напугал Кази, и он спрятался у себя в комнате. Слыша возмущенное гудение толпы и боясь ее гнева, Кази не выходил из дома.

Господь Чайтанья пел, и все преданные вторили Ему, идя вслед за Ним. Господь шел во главе всей группы киртана по дорогам, ведущим вдоль берега Ганги. Когда Господь достиг гхата, где Он обычно совершал омовение, Он стал танцевать, не в силах остановиться. Оттуда Он направился к гхату Мадхая. Так Шри Чайтанья Махапрабху, Верховный Господь, нареченный Вишвамбхарой, танцевал вдоль всего берега Ганги. Он дошел до Баракрона-гхата, затем — до Нагария-гхата и, пройдя по Ганганагару, достиг квартала Симулия на самой окраине города. Все эти места расположены в окрестностях Шри Маяпура. После Симулии Господь пошел по направлению к дому Кази и скоро оказался у дверей его дома.

Некоторые люди пришли в такое возбуждение, что стали рушить дом Кази и уничтожать цветники в его саду. Когда Шри Чайтанья Махапрабху пришел к дому Кази, Он сел у его порога и послал за ним нескольких почтенных граждан.

Наконец Кази вышел с понурой головой, и Господь, выразив ему почтение, усадил его рядом с Собой.

Господь дружелюбно обратился к Кази:

— Уважаемый, Я пришел к тебе как гость, но ты, увидев Меня, спрятался в комнате. Разве так положено встречать гостей?

Кази ответил:

— Ты явился в мой дом в большом гневе. Чтобы дать Тебе успокоиться, я вышел не сразу, а решил подождать, не показываясь никому на глаза. Теперь, когда Твой гнев улегся, я вышел к Тебе. Я считаю большой честью для себя принимать такого почетного гостя как Твоя Милость. Мой сосед по деревне Ниламбара Чакраварти Тхакур был мне как дядя. Такие отношения сильнее всяких кровных связей. Ниламбара Чакраварти приходится Тебе дедом по матери, и поэтому Ты для меня все равно что племянник. Когда племянник гневается, дядя прощает ему, а когда дядя чем-то перед ним провинится, племянник не станет принимать это близко к сердцу.

Так Кази и Господь говорили друг с другом с намеками на разные обстоятельства, которые были известны лишь им двоим.

Господь сказал:

— Дорогой дядя, Я пришел к тебе домой, чтобы задать тебе несколько вопросов.

— Я слушаю, — ответил Кази. — Спрашивай о чем пожелаешь.

Господь сказал:

— Ты пьешь коровье молоко, а это значит, что корова — твоя мать. Бык же дает тебе зерно для пропитания, стало быть, бык — твой отец. Как же ты можешь убивать корову и быка, которые приходятся тебе матерью с отцом? По какому праву ты творишь этот грех?

Кази ответил:

— У вас есть ваши писания — Веды и Пураны, а у нас есть наше — святой Коран. Согласно Корану, существуют два пути прогресса: путь наслаждения и путь воздержания. Тем, кто следует вторым путем [нивритти-маргом], запрещено убивать животных. Однако для тех, кто следует путем материальной деятельности, существуют предписания, позволяющие убивать коров. Если этот акт освящен авторитетом писания, то в нем нет греха. Но ваши ведические писания тоже говорят о возможности убивать коров. Следуя этому предписанию, великие мудрецы приносили коров в жертву.

В ответ на это Господь сказал:

— Веды однозначно запрещают убийство коров. Поэтому ни один индус, кем бы он ни был, никогда не станет убивать корову. В Ведах и Пуранах говорится, что тот, кто способен воскресить живое существо, может убить его ради эксперимента. Поэтому иногда великие мудрецы убивали старых коров, а потом, произнося ведические гимны, возвращали им жизнь и молодость. Умерщвление и омоложение старых и больных коров — это не убийство, а благодеяние. В прошлом были могущественные брахманы, которые могли проводить такие опыты, доказывая силу ведических гимнов, но сейчас, в век Кали, брахманы утратили былую силу. Поэтому убийство коров и быков с целью их омоложения запрещено. В век Кали запрещается делать пять вещей: приносить в жертву коня, приносить в жертву корову, принимать санньясу, подносить мясо предкам и зачинать детей с женой брата. Поскольку вы, мусульмане, не способны вернуть корову к жизни, вы будете отвечать за ее убийство. За это вам уготован ад, и ничто вас от него не спасет. Убийцам коров уготовано гнить в аду столько лет, сколько было волосков на теле коровы. В ваших писаниях содержится множество ошибок и заблуждений. Их составители, не зная сути духовной мудрости, давали наставления, которые противоречат логике и здравому смыслу.

Услышав это от Шри Чайтаньи Махапрабху, Кази не знал, что сказать. Поразмыслив над услышанным, он признал свое поражение и сказал следующее.

— Дорогой Нимай Пандит, все сказанное Тобой — сущая правда. Наши писания появились лишь недавно, и, действительно, в них мало логики и философии. Я знаю, что

наши писания полны выдумок и ошибочных идей, но, поскольку я мусульманин, я вынужден признавать их авторитет, несмотря на их бездоказательность. Логика и доводы в писаниях мясоедов не очень убедительны.

Услышав это, Шри Чайтанья Махапрабху улыбнулся и задал ему другой вопрос.

— Дорогой дядюшка, Я хочу задать тебе еще один вопрос. Пожалуйста, ответь Мне начистоту. Не пытайся уйти от ответа. В твоём городе целый день повсюду поют святое имя. Ты ведь мусульманский правитель, и у тебя есть право пресекать любые обряды индусов. Так почему ты не сделаешь это сейчас? Я не могу понять причину. Кази ответил:

— Все называют Тебя Гаурахари. Позволь и мне обращаться к Тебе так же. Послушай меня, о Гаурахари! Если мы останемся наедине, я объясню Тебе причину.

Господь ответил:

— Все эти люди — Мои близкие спутники. Ты можешь говорить начистоту. У тебя нет причин для опасений.

Кази сказал:

— После того, как я ворвался в дом индуса и разбил мридангу, запретив совместное пение святого имени, мне ночью во сне явился ужасный лев, который издавал громоподобный рык. Тело у этого льва было человеческим, а голова — львиной. Этот лев запрыгнул мне, спящему, на грудь, и с яростным хохотом заскрежетал зубами. Вонзив мне в грудь когти, этот лев сказал леденящим душу голосом: «Я разорву твою грудь так же, как ты разбил мридангу! Ты запретил людям собираться и петь Мое святое имя. За это Я тебя уничтожу!» В великом ужасе я зажмурил глаза, и меня стала бить дрожь. Видя мой испуг, лев сказал: «Я тебя поверг, чтобы проучить, но сейчас Я помилую тебя. В тот раз ты не причинил большого вреда, и потому Я тебя прощаю и оставляю тебе жизнь. Но если это повторится снова, Я тебя не пощажу. Я уничтожу тебя, всю твою семью и всех мясоедов». С этими словами лев исчез, но я до сих пор не могу прийти в себя от страха. Посмотри на отметины, которые оставили на моей груди, у сердца, Его когти!

Рассказав эту историю, Кази показал свою грудь. Выслушав его и увидев отметины на его груди, все люди поверили в это чудо.

Кази продолжал:

— Я никому не рассказывал об этом происшествии, но на следующий день ко мне пришел мой дружинник. Придя ко мне, он рассказал: «Когда я пошел, чтобы остановить пение индусов, мне в лицо вдруг полыхнуло пламя. Огонь опалил мне бороду и оставил на лице ожоги». То же самое случилось со всеми другими дружинниками. Все это очень меня напугало. Я приказал им не мешать пению, а разойтись по домам. Тогда все мусульмане,

узнав о том, что в городе никак не будет пресекаться пение святых имен, обратились ко мне с жалобой.

«Религия индусов приобрела непомерное влияние. Мы повсюду только и слышим: "Хари! Хари!"»

Один мусульманин сказал:

«Индусы восклицают: "Кришна! Кришна!" — и при этом смеются, плачут, танцуют, поют и катаются по земле, вымазываясь грязью. Своими криками "Хари! Хари!" они создают невыносимый шум. Если царь [падишах] услышит об этом, он обязательно тебя накажет».

Тогда я спросил у этих яванов:

«Меня не удивляет, что индусы повторяют "Хари, Хари", — для них это естественно. Но вы-то, мусульмане, почему без конца твердите имена индусского Бога?»

Один из мусульман ответил:

«Однажды я стал поддразнивать индусов. Одних из них зовут Кришнадасами, других — Рамадасами. Третью зовут Харидасами. С тех пор мой язык не перестает произносить: "Хари, Хари". Я не хочу произносить этот звук, но язык больше не повинуется моей воле, и я не знаю, что с этим делать».

Другой мусульманин сказал:

«Послушай меня, господин. С тех пор, как я однажды так же передразнивал индусов, мой язык тоже стал без конца произносить молитву Харе Кришна, и я не в силах от этого избавиться. Я не могу понять, что за волшебные заклинания и зелья известны этим индусам».

Выслушав все это, я отправил всех млеччхов по домам. После этого ко мне пришли пять или семь безбожников-индусов. Они стали жаловаться:

«Нимай Пандит подрывает основы индуизма. Он ввел санкиртану, которая не упоминается ни в одном писании. Пение, музыка и танцы уместны лишь тогда, когда мы совершаем ночное бдение во время поклонения Мангалачанди и Вишахари. Раньше Нимай Пандит был добропорядочным юношей, но с тех пор, как Он возвратился из Гаи, Его не узнать. Теперь Он громко распевает песни, хлопает в ладоши, бьет в барабаны и играет на караталах, создавая такой шум, что мы все скоро оглохнем. Мы не знаем, что Он такое ест, что лишает Его рассудка, заставляя плясать, петь, смеяться, плакать, прыгать, падать и кататься по земле. Он свел всех людей с ума Своим постоянным пением. Целыми ночами мы не можем сомкнуть глаз. Нам не дают спокойно спать. Он отказался от Своего имени Нимай и называет Себя Гаурахари. Он подорвал основы индуизма и основал безбожную религию. Теперь люди низших сословий поют без конца маха-мантру Харе Кришна. За этот грех весь город Навадвипа будет обречен на

вымирание. Согласно индусским писаниям, имя Бога является могущественной мантрой. Если все будут слышать этот звук, то мантра потеряет силу. Ты правитель нашего города, и все мы — индусы и мусульмане — находимся под твоей защитой. Поэтому вызови к себе Нимая Пандита и вели Ему покинуть город».

Выслушав их жалобы, я вежливо ответил им:

«Отправляйтесь по домам. Я обязательно запрещу Нимаю Пандиту проводить киртаны на улицах и петь мантру Харе Кришна».

Я знаю, что Верховный Бог индусов — Нараяна, и я думаю, что Ты и есть Нараяна. Так подсказывает мне ум.

Выслушав мудрую речь Кази, Шри Чайтанья Махапрабху коснулся его и с улыбкой сказал такие слова.

— Когда ты произнес святое имя Кришны, свершилось чудо: ты избавился от всех грехов. Теперь ты совершенно чист. Поскольку ты произнес три имени Господа — «Хари», «Кришна» и «Нараяна», — ты можешь считать себя самым удачливым и добродетельным.

Когда Кази услышал эти слова, из глаз его потекли слезы. Он тут же коснулся лотосных стоп Господа и ласково произнес такие слова.

— Лишь по Твоей милости я избавился от своих злых намерений. Пожалуйста, благослови меня, чтобы я всегда был безраздельно предан Тебе.

Господь сказал:

— Взамен Я попрошу тебя об одном одолжении. Ты должен обещать, что движение санкиртаны больше не встретит никаких преград, по крайней мере, в провинции Надия.

Кази сказал:

— Всем потомкам, которые появятся на свет в моем роду, я даю этот строгий наказ: пусть никто из них не смеет чинить препятствия движению санкиртаны.

Услышав это, Господь вскочил на ноги и воскликнул: «Хари! Хари!» Вслед за Ним все вайшнавцы тоже встали со звуками святого имени на устах.

Шри Чайтанья Махапрабху вернулся к Своему киртану, а счастливый Кази пошел за Ним.

Сын Шачи попросил Кази возвращаться домой, а Сам пошел к Себе домой, не переставая танцевать.

Такова история о Кази и милости, которую явил ему Господь. Любой, кто услышит ее,

тоже освободится от последствий всех совершенных прегрешений.

Шрила Прабхупада пишет: «Следуя этому строгому наказу Кази, его потомки вплоть до настоящего времени ни при каких обстоятельствах не чинили препятствий движению санкиртаны. Даже во времена ожесточенных индо-мусульманских столкновений, которые происходили в этом районе, потомки Кази честно исполняли обещание своего далекого предка».